

ИЮЛЬ-АВГУСТ

Глава вторая II. Признания славянофила

Да, не того. Здесь я принужден выразить некоторые чувства мои, хотя и положил было, начиная с прошлого года издавать мой «Дневник», что литературной критики у меня не будет. Но чувства не критика, хотя бы и высказал я их по поводу литературного произведения. В самом деле, я пишу мой «дневник», т^о е^{сть} записываю мои впечатления по поводу всего, что наиболее поражает меня в текущих событиях, — и вот я, почему-то, намеренно предписываю сам себе придуманную обязанность непременно скрывать и может быть самые сильнейшие из переживаемых мною впечатлений, лишь потому только что они касаются русской литературы. Конечно, в основе этого решения была и верная мысль, но буквенное исполнение этого решения неверно, я вижу это, уже потому только, что тут буква. Да и литературное-то произведение, о котором я умолчал до сих пор, для меня уже не просто литературное произведение, а целый *факт* уже иного значения. Я может быть выражусь слишком наивно, но однако же решаюсь сказать вот что: этот *факт* впечатления от романа, от выдумки, от поэмы совпал в душе моей, нынешней весной, с огромным фактом объявления теперь идущей войны, и оба факта, оба впечатления, нашли в уме моем действительную связь между собою и поразительную для меня точку обоюдного соприкосновения. Вместо того чтоб смеяться надо мною, выслушайте меня лучше.

Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя может быть и не вполне славянофил. Славянофилы до сих пор понимаются различно. Для иных, даже и теперь, славянофильство, как в старину, например, для Белинского, означает лишь квас и редьку. Белинский, *действительно* дальше не заходил в понимании славянофильства. Для других (и заметим, для весьма многих, чуть не для большинства даже самих славянофилов), славянофильство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России — началом, которое может быть даже и не строго политическим. И наконец, для третьих, славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России, означает и включает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое здоровое и еще неслыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и воистину уже в соединении всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы для будущего разъяснения и разрешения многих горьких и самых роковых недоразумений западноевропейской цивилизации. Вот к этому-то отделу убежденных и верующих принадлежу и я.

Тут трунить и смеяться, опять-таки нечего: слова эти старые, вера эта давнишняя, и уже одно то, что не умирает эта вера и не умолкают эти слова, а напротив, всё больше и больше крепнут, расширяют круг свой и приобретают себе новых адептов, новых убежденных деятелей — уж одно это могло бы заставить, наконец, противников и пересмешников этого *учения* взглянуть на него хоть немного серьезнее, и выйти из пустой, закаменевшей в себе, враждебности к нему. Но об этом пока довольно. Дело в том, что весной поднялась наша великая война для великого подвига, который, рано ли поздно ли, несмотря на все временные неудачи, отдаляющие разрешение дела, а будет-таки доведен до конца, хотя бы даже и не удалось его довести до полного и вожделенного конца именно в теперешнюю войну. Подвиг этот столь велик, цель войны столь невероятна для Европы, что Европа конечно должна быть возмущена против нашего *коварства*, должна не верить тому, о чем объявили мы ей начиная войну и всячески, всеми силами должна вредить нам, и соединившись с врагом

нашим, хотя и не явным, не формальным политическим союзом, — враждовать с нами и воевать с нами, хотя бы тайно, в ожидании явной войны. И всё, конечно от объявленных намерений и целей наших! «Великий восточный орел взлетел над миром, сверкая двумя крыльями на вершинах христианства»; не покорять, не приобретать, не расширять границы он хочет, а освободить, восстановить угнетенных и забытых, дать им новую жизнь для блага их и человечества. Ведь как ни считай, каким скептическим взглядом ни смотри на это дело, а в сущности цель ведь эта, эта самая, и вот этому—то и не хочет поверить Европа! И поверьте что не столько пугает ее предполагаемое усиление России, как именно то, что Россия способна предпринимать такие задачи и цели. Заметьте это особенно. Предпринимать что—нибудь не для прямой своей выгоды кажется Европе столь непривычным, столь вышедшим из международных обычаев, что поступок России естественно принимается Европой не только как за варварство «отставшей, зверской и непросвещенной» нации [7], способной *на низость и глупость* затеять в наш век что—то вроде преждебывших в темные века крестовых походов [8], но даже и за безнравственный факт, опасный Европе и угрожающий будто бы ее великой цивилизации. Взгляните, кто нас любит в Европе теперь особенно? Даже *друзья* наши, отъявленные, форменные так сказать друзья, и те откровенно объявляют, что *рады нашим неудачам*. Поражение русских милее им собственных ихних побед, веселит их, льстит им [9]. В случае же удач наших эти друзья давно уже согласились между собою употребить все силы, чтоб из удач России извлечь себе выгод еще больше, чем извлечет их для себя сама Россия...

Но и об этом после. Заговорил я, главное, о впечатлении, которое должны были ощутить в себе все верующие в будущее великое, общечеловеческое значение России, нынешнею весною, после объявления этой войны. Эта неслыханная война, за слабых и угнетенных, для того чтоб дать жизнь и свободу, а не отнять их, — эта давно уже теперь неслыханная в мире цель войны, для всех наших верующих явилась вдруг, как факт, торжественно и знаменательно подтверждавший веру их. Это была уже не мечта, не гадание, а действительность *начавшая совершаться*. «Если уже начало совершаться, то дойдет и до конца, до того великого нового слова, которое Россия, во главе союза славян скажет Европе. И даже самое слово это уже начало сказываться, хотя Европа еще далеко не понимает его и долго будет не верить ему». Вот как думали «верующие». Да, впечатление было торжественное и знаменательное и разумеется вера верующих должна была еще больше закалиться и окрепнуть. Но однако же начиналось дело столь важное, что и для них настали тревожные вопросы: «Россия и Европа! Россия обнажает меч против турок, но кто знает может быть столкнется и с Европой — не рано ли это? Столкновение с Европой — не то что с турками и должно совершиться не одним мечом, так всегда понимали верующие. Но готовы ли мы к другому—то столкновению? Правда, слово уже начало сказываться, но не то что Европа, а и у нас—то понимают ли все его? Вот мы, верующие, пророчествуем, например, что лишь Россия заключает в себе начала разрешить всеевропейский роковой вопрос низшей братьи, без боя и без крови, без ненависти и зла, но что скажет она это слово когда уже Европа будет залита своею кровью, так как раньше никто не услышал бы в Европе наше слово, а и услышал бы, то не понял бы его вовсе. Да, мы верующие в это верим, но однако что пока отвечают нам у нас же, наши же русские? Нам отвечают они, что всё это лишь исступленные гадания, конвульсьонерство, бешеные мечты, припадки и спрашивают от нас доказательств, твердых указаний и совершившихся уже фактов. Что же укажем мы им, пока, для подтверждения наших *пророчеств*? Освобождение ли крестьян, — факт, который еще столь мало понят у нас в смысле степени проявления русской духовной силы? Прирожденность ли нам и естественность братства нашего, всё яснее и яснее выходящего в наше время наружу из—под всего что давило его веками и несмотря на сор и грязь, которая встречает его теперь, грязнит и искажает черты его до неузнаваемости? Но пусть мы укажем это; нам опять ответят, что все эти факты опять—таки наше конвульсьонерство,

бешеная мечта, а не факты и что толкуются они многообразно и сбивчиво и доказательством ничему, покамест, служить не в силах. Вот что ответят нам чуть не все, а между тем мы, столь не понимающие самих себя и столь мало верующие в себя, мы — сталкиваемся с Европой! Европа — но ведь это страшная и святая вещь, Европа! О, знаете ли вы, господа, как дорога нам, мечтателям–славянофилам, по–вашему ненавистникам Европы — эта самая Европа, эта «страна святых чудес!»[10] Знаете ли вы, как дороги нам эти «чудеса»[11] и как любим и чтим, более чем братски любим и чтим мы великие племена населяющие ее и всё великое и прекрасное совершенное ими. Знаете ли до каких слез и сжатий сердца мучают и волнуют нас судьбы этой дорогой и *родной* нам страны, как пугают нас эти мрачные тучи, всё более и более заволакивающие ее небосклон? Никогда вы, господа, наши европейцы и западники, столь не любили Европу, сколько мы, мечтатели славянофилы, по–вашему исконные враги ее! Нет, нам дорога эта страна — будущая мирная победа великого христианского духа, сохранившегося на Востоке... И в опасении столкнуться с нею в текущей войне, мы всего более боимся, что Европа не поймет нас, и по–прежнему, по–всегдашнему встретит нас высокомерием, презрением и мечом своим, всё еще как диких варваров, недостойных говорить перед нею. Да, спрашивали мы сами себя, что же мы скажем или покажем ей, чтоб она нас поняла? У нас, по–видимому, еще так мало чего–нибудь, что могло бы быть ей *понятно* и за что бы она нас уважала? Основной, главной идеи нашей, нашего зачинающегося «нового слова» она долго, слишком долго еще не поймет. Ей надо фактов *теперь* понятных, понятных на ее *теперешний* взгляд. Она спросит нас: «где ваша цивилизация? Усматривается ли строй экономических сил ваших в том хаосе, который видим мы все у вас. Где *ваша* наука, *ваше* искусство, *ваша* литература?»

Примечания:

[7]. ...*поступок России ~ принимается Европой ~ за варварство «отставшей, зверской и непросвещенной» нации...* — Достоевский отзывается на антирусские корреспонденции. Сообщая о злорадных толках триестинских немцев о «бессилии России», о «ее военной несостоятельности», корреспондент «Московских ведомостей» резюмировал: «Всё это мои почтенные спутники пережевывали с большим аппетитом, припевая к каждому доводу: „Россия страна дикая, варварская, и европейской цивилизации грозит серьезная опасность“» (Моск. ведомости. 1877. 21 июля. № 182. Анонимный очерк «По берегам Далматии»).

[8]. ...*способной на низость и глупость затеять в наш век что-то вроде преждебывших в темные века крестовых походов...* — Здесь очевидна полемическая реакция Достоевского на скептические суждения о христианской миссии царской России на Балканах, высказывавшиеся английской печатью. Возможно, Достоевский полемизирует с анонимным автором «Журнальных заметок» в журнале «Дело», представлявших собою рецензию на первые четыре номера «Военного сборника» за 1877 г. и первые три выпуска «Дневника» за тот же год. «Если верить всему тому, что пишут наши российские публицисты,— отмечалось в этой рецензии,— то можно подумать, что наступили времена крестовых походов. А между тем, если б „Военный сборник“, кроме голого изложения исторических фактов, искал в их внешней шелухе более существенного содержания, то он увидел бы, что идея теперешней войны далеко не та,

какой ее выкликают г-н Суворин и г-н Достоевский» (Дело. 1877. № 6. С. 57). Далее рецензент писал о Достоевском: «Какой чудака-мечтатель! Мечтатель потому, что до сих пор верит в возможность крестовых походов, в то время как Европа уже давно пережила период религиозного воодушевления, а в России он и не бывал; насущные же потребности нового времени и переворот, созданный в жизни народов новейшими изобретениями, дали всему европейскому и русскому мышлению совсем иной характер...» (там же. С. 63, 64).

[9]. *Даже друзья наши, отъявленные, форменные, так сказать друзья, и те откровенно объявляют, что рады нашим неудачам. Поражение русских милее им собственных ихних побед, веселит их, льстит им.* — Под «форменными» друзьями Достоевский иронически подразумевает Австро-Венгрию и Германию (о чем свидетельствует намек на «собственные ихние победы» во время франко-прусской войны), с которыми в 1873 г. Александр II заключил так называемый «союз трех императоров».

[10]. *...Европа, эта «страна святых чудес»!* — Слова в кавычках цитата из стихотворения А. С. Хомякова «Мечта» (1835).

[11]. *Знаете ли вы, как дороги нам эти «чудеса»...* — Под «чудесами» подразумеваются процветавшие на Западе философия, наука, искусство, литература, идеи гуманизма, свободы, равенства, братства, вера в счастливое будущее человечества и т. п.